

ГОЛДРИП

Земля всегда забирает свое

Артем Черных

18+

Арте́м Черных

**Голдри́п. Земля
всегда забирает свое**

«Автор»

2026

Черных А. Е.

Голдрип. Земля всегда забирает свое / А. Е. Черных — «Автор», 2026

В Кедровском районе Сибири золото добывают все: крупные предприятия, сезонные рабочие и тайные чернокопатели. Но вместе с новой золотой лихорадкой возвращается старая легенда о Голдрипе — древнем хранителе недр, который просыпается, когда люди берут у земли больше, чем имеют право. Молодой оперуполномоченный Илья Крылов расследует исчезновение старателей и всё глубже погружается в тайны родного района. Его единственные проводники — безумный старик Белый Орёл, которого никто не слушает, и опытный чернокопатель Артём Зуев, знающий цену каждому грамму золота. Когда земля под Кедровском начинает гудеть, становится ясно: легенда была предупреждением. И теперь золото придётся вернуть. Вместе с долгами.

© Черных А. Е., 2026

© Автор, 2026

Артем Черных

Голдрип. Земля всегда забирает свое

Глава 1

Возвращение

Автобус вошёл в Кедровский район ближе к вечеру, когда небо над тайгой уже налилось тяжёлым свинцом, а снег начал идти не хлопьями, а мелкой колючей крупой.

Илья Крылов сидел у окна и смотрел, как за мутным стеклом тянется знакомая дорога. Сначала редкие зимовья, потом чёрные стены леса, потом просветы между сопками, где ветер сдувал снег до голой промёрзшей земли. Дальше пошли следы техники: широкие колеи, обломанные кусты, серые отвалы у старых съездов.

Раньше, в детстве, эта дорога казалась ему длинной и почти праздничной. По ней возвращались из райцентра с покупками, по ней приезжали вахтовики, по ней уходили лесовозы и машины с людьми, которые знали, где можно найти золото.

Теперь дорога казалась другой.

Ниже.

Грязнее.

Тяжелее.

Будто за те годы, пока Илья учился в институте, район не постарел, а осел под собственным весом.

На последнем повороте автобус тряхнуло так, что в салоне кто-то выругался. Водитель не обернулся. Он только прибавил громкости старому радио, где сквозь шипение говорили о морозах, авариях на трассах и ценах на топливо.

— Дорогу опять разбили, — сказала женщина с заднего сиденья. — Камазы с карьера ходят день и ночь.

— Не камазы, а самосвалы, — поправил её мужчина в засаленной шапке. — Камазы теперь беднота гоняет.

— Всё одно. Мост скоро сядет.

— Сядет — новый обещают.

— Обещают они. Как воду чистую обещали.

Мужчина хмыкнул.

— Воду чистую? В Кедровске? Скажешь тоже.

Илья посмотрел на них в отражении стекла. Оба были местные. По голосам, по одежде, по усталости в лицах. Таких он помнил с детства: они всегда знали, кто где работает, кто кому должен, кто вчера нашёл, а кто только врёт, что нашёл.

Женщина наклонилась к мужчине и заговорила тише, но Илья всё равно услышал:

— Говорят, у Холодной опять песок пошёл.

Мужчина сразу стал внимательнее.

— Кто говорит?

— Да люди.

— Люди много говорят.

— Митяй Костров хвастался. Будто выше старого ручья место нашли.

— Митяю язык бы отрезать, чтоб меньше хвастался.

— Значит, правда?

— Если бы правда, он бы молчал.

Они замолчали.

Илья отвернулся к окну.

Холодная.

Он давно не слышал это название так близко. В детстве ему запрещали ходить к этой реке одному. Официально — из-за быстрины и промоин. Неофициально — потому что у Холодной всегда водились люди, которые не хотели, чтобы их видели.

Чернокопатели.

Тогда это слово произносили почти шёпотом. Теперь, похоже, без него здесь не обходился ни один разговор.

Автобус выехал из леса, и впереди показался Кедровск.

Посёлок лежал в низине между сопками, будто его туда когда-то случайно уронили и больше не стали поднимать. Серые крыши, трубы, редкие фонари, старая водонапорная башня, школа с облупленными стенами, районная администрация, магазин «Таёжный», гаражи, пилюрама и дальше — тёмная линия тайги.

Илья не сразу понял, что именно изменилось.

Дома стояли те же.

Улицы те же.

Даже остановка с треснувшим стеклом была на месте.

Но посёлок казался беднее.

Не просто ветхим — выжатым.

Как человек, который слишком долго работал на холоде и привык не жаловаться.

Автобус остановился у площади. Двери открылись с тяжёлым вздохом, и в салон ворвался морозный воздух, пахнувший соляжкой, дымом и снегом.

— Кедровск, — буркнул водитель. — Конечная.

Илья поднялся, снял с полки сумку и вышел последним.

Снег сразу хрустнул под ботинками. Он поставил сумку рядом, застегнул воротник куртки и вдохнул.

Воздух был тем же.

Резким.

Сухим.

С привкусом дыма, железа и хвои.

Возвращение должно было что-то вызвать: радость, тоску, волнение. Но Илья почувствовал только настороженность. Будто не он приехал домой, а дом смотрел на него и решал, признать ли своим.

Площадь перед администрацией была почти пустой, но возле магазина «Таёжный» стояло несколько мужчин. Курили, прятали подбородки в воротники, говорили негромко. У входа в магазин женщина в пуховом платке ругалась с водителем старой «Нивы», перегородившим подъезд.

У памятника геологам-первопроходцам лежал грязный снег. Сам памятник почернел от времени, и бронзовая фигура человека с молотком теперь казалась не героической, а усталой.

Илья взял сумку и пошёл через площадь.

— Новый? — услышал он за спиной.

— Крыловский сын, — ответил другой голос. — Из института вернулся.

— В полицию?

— Ага.

— Ну-ну.

— Что ну-ну?

— Пусть попробует тут порядок навести. Тут до него умные были.

Илья не обернулся.

Он привык, что в маленьком посёлке человек становится новостью раньше, чем успевает поздороваться. Но всё равно неприятно было слышать о себе так, будто он приехал не служить, а сдавать экзамен всему району.

У крыльца отдела полиции стояла служебная машина. Рядом — мужчина лет пятидесяти в тёмной куртке, без шапки, с короткими седыми волосами и красным от мороза лицом.

Илья узнал его не сразу.

— Крылов? — спросил мужчина.

— Так точно.

— Не в институте. Можно без «так точно».

Илья присмотрелся.

— Виктор Сергеевич?

Мужчина усмехнулся.

— Узнал всё-таки. Лаптев я, не памятник. Хотя тоже тут давно стою.

Виктор Сергеевич Лаптев, начальник местного отдела полиции, когда-то приходил к ним домой. Илья помнил его моложе: широкоплечего, громкого, с густыми тёмными волосами. Теперь Лаптев стал суше, тише, но взгляд остался прежним — цепким и усталым.

— С приездом, — сказал он и протянул руку.

Илья пожал.

Рука у Лаптева была крепкая, холодная.

— Спасибо.

— Мать твоя уже три раза звонила. Думает, я тебя по дороге потерял.

— Она такая.

— Она фельдшер. У них все живые считаются временно недообследованными.

Илья невольно улыбнулся.

Лаптев кивнул на сумку.

— Давай.

— Сам донесу.

— Упрямый?

— Самостоятельный.

— Это до первого наряда.

Лаптев всё-таки взял сумку, будто не оставляя выбора, и пошёл к отделу.

— Как дорога? — спросил он.

— Разбитая.

— Значит, нормальная.

— Много техники идёт?

— Больше, чем дорог. Компания расширяется. Подрядчики, вахтовики, новые участки.

Деньги пришли — грязи стало больше.

— А работа?

Лаптев остановился у крыльца и посмотрел на Илью.

— Работы тебе хватит.

Он сказал это без улыбки.

В отделе пахло старой мебелью, бумагой, дешёвым кофе и мокрыми куртками. Дежурная часть была маленькая, с облупленными стенами и телефоном, который, казалось, звонил ещё в советские времена. За столом сидел дежурный, крупный мужчина с тяжёлым лицом.

— Панкратов, — представил Лаптев. — Участковый. Знает всех, кого надо знать, и половину тех, кого лучше не знать.

Панкратов поднял глаза.

— Крыловский?

Илья сдержал вздох.

— Илья Андреевич.

— Будем знать.

Больше Панкратов ничего не сказал и снова уткнулся в журнал.

Лаптев провёл Илью в кабинет. Небольшая комната, два шкафа, стол, сейф, карта района на стене. На карте красными кнопками были отмечены участки: карьер, старый прииск, верховья Холодной, лесные дороги, зимовья.

Илья задержал взгляд на Холодной.

Лаптев заметил.

— Уже слышал?

— В автобусе.

— Про богатое место?

— Да.

— Быстро пошло.

— Значит, правда?

Лаптев снял куртку и повесил на спинку стула.

— В Кедровске правда начинается там, где кто-то слишком громко соврал.

— А конкретнее?

— Конкретнее: в верховьях Холодной действительно шевеление. Чернокопатели пошли активнее. Но что они там нашли — песок, слух или собственную беду — пока неизвестно.

Илья сел напротив.

— Будем проверять?

— Будем. Только ты сначала пойми одну вещь.

— Какую?

Лаптев опёрся руками о стол.

— Здесь всё вокруг золота. Работа, пьянки, драки, разводы, долги, дружба, молчание. Кто-то официально на предприятии. Кто-то сезонно. Кто-то возит. Кто-то моет. Кто-то продаёт. Кто-то делает вид, что не знает. Кто-то действительно не знает, но таких мало.

— То есть все замешаны?

— Нет. Но почти все рядом стояли.

— Это не оправдание.

— Я и не оправдываю. Я предупреждаю.

Илья посмотрел на карту.

— Чернокопателей много?

— Достаточно.

— Крышуют?

Лаптев усмехнулся.

— Городские вопросы задаёшь.

— Я спрашиваю как опер.

— А я отвечаю как человек, который здесь тридцать лет служит. Крышуют, дружат, боятся, кормятся, родню прикрывают, долги отдают. Тут не схема из учебника. Тут болото. Только вместо воды — золото.

Илья молчал.

Он хотел возразить, что закон для того и существует, чтобы вытаскивать людей из болота. Но в кабинете Лаптева, под картой района, где красные кнопки выглядели как ранки, эта фраза показалась слишком правильной и потому бесполезной.

— Ты принципиальный, — сказал Лаптев.

— Это плохо?

— Нет. Первые месяцы даже полезно.

— А потом?

— Потом или умнеют, или ломаются, или уезжают.

— Вы хотите, чтобы я уехал?

— Я хочу, чтобы ты сначала посмотрел, потом делал выводы.

Телефон на столе коротко зазвонил. Лаптев снял трубку, выслушал, сказал: «Понял» — и положил.

— Мать опять? — спросил Илья.

— Нет. Магазин.

— Что случилось?

— Ничего. Просто у магазина опять спорят, кто больше врёт про Холодную.

Илья удивился.

— Вам из магазина звонят из-за спора?

— Продавщица Нина звонит всегда, когда спор может стать дракой. У неё нюх лучше камер.

Лаптев накинул куртку.

— Пойдём. Заодно посмотришь районную оперативную обстановку в естественной среде.

* * *

У магазина «Таёжный» было оживлённее, чем полчаса назад.

Перед крыльцом стояли мужчины в рабочих куртках, двое водителей, женщина с пакетом, подростки у стены и пожилой человек в меховой шапке, который просто слушал. На снегу были следы, окурки и тёмные пятна от пролитого топлива.

Спор действительно шёл о золоте.

— Да говорю тебе, не может там быть богатого песка, — горячился водитель с красным лицом. — Там всё ещё в восьмидесятых выбрали.

— В восьмидесятых руками выбирали, — возражал худой мужик с обветренными щеками. — Сейчас техника другая.

— Какая техника у Митяя? Лопата кривая?

— Не у Митяя. Там люди посерьёзнее.

— Кто?

— Кто надо.

— Ага. То есть сам не знаешь.

Худой сплюнул.

— Знать всё — вредно.

Илья стоял рядом с Лаптевым и слушал. Его пока не вмешивали в разговор, но на него уже смотрели. Оценивали. Прикидывали, насколько он опасен, насколько наивен, насколько свой.

Один из мужчин, широкий, с короткой бородой, заметил форму под расстёгнутой курткой Ильи.

— Новый опер?

Лаптев ответил вместо него:

— Новый.

— По золоту приехал?

— По вам всем соскучился.

Мужики засмеялись.

Бородатый посмотрел на Илью.

— Слышишь, опер, ты чернокопателей-то всех не пересажает.

— А надо всех? — спокойно спросил Илья.

Смех стал тише.

— Ну, смотря как служить будешь.

— По закону.

Кто-то хмыкнул.

— Закон, — сказал пожилой в меховой шапке. — Хорошее слово. Особенно когда зарплата есть.

— А если нет, можно мыть? — спросил Илья.

Пожилой посмотрел на него без злости.

— Если дети есть, человек много чего себе разрешает.

— И другим?

— А другим он потом объясняет, что жизнь сложная.

Лаптев вмешался:

— Хватит философии. Что за шум?

Водитель сразу заговорил:

— Да этот треплет, что у Холодной новый участок нашли.

Худой возмутился:

— Я не треплю.

— А что делаешь?

— Говорю, что слышал.

— От кого?

— Не скажу.

Лаптев посмотрел на него.

— Скажешь, если люди там пропадут.

Худой отвернулся.

Эта короткая фраза сразу изменила воздух. До этого разговор был привычным, почти азартным: золото, слухи, хвастовство, подначки. Теперь в нём появилось что-то тёмное.

Илья это почувствовал.

— Часто пропадают? — спросил он у Лаптева.

Мужики притихли.

Лаптев не сразу ответил.

— В тайге всякое бывает.

— Я спросил не про тайгу.

— Часто не часто, а каждый сезон кто-нибудь решает, что он умнее рек и лесов.

Бородатый засмеялся, но как-то неуверенно.

— Да бросьте вы. Пугаете пацана.

— Пацан в форме, — сказал Лаптев. — И будет задавать вопросы.

— Пусть задаёт. Только ответы не всегда понравятся.

Женщина с пакетом, до этого молчавшая, вдруг сказала:

— Вы бы лучше компанию трясли. Они вон что с рекой сделали. Раньше вода была как стекло. А теперь после дождя жёлтая идёт.

— Компания хоть официально работает, — сказал водитель.

— Официально можно всё испортить?

— А чернокопатели не портят?

— Все портят, — вмешался пожилой. — Только одни с бумажкой, другие без.

Илья посмотрел на Лаптева.

Тот почти незаметно пожал плечами: вот тебе и район.

Разговоры вокруг снова распались на отдельные голоса.

— Митяй точно туда ушёл.

— Да Митяй без старших далеко не сунется.

— Зуев бы знал.

— Зуев лишнего не скажет.

— А Белый Орёл опять утром у моста был.

— Да этот старый везде бывает.

— Говорил, что земля скоро откроется.

— Он двадцать лет это говорит.

Илья уловил имя.

— Белый Орёл? — спросил он.

Мужики переглянулись.

Бородатый усмехнулся.

— А, ты маленький был, не помнишь?

— Помню смутно.

Пожилой сказал:

— Степан Ольховский. С ума сошёл после старого прииска.

— Почему Белый Орёл?

— Шапка белая, плащ белый. Ходит, руками машет, будто взлететь хочет. Вот дети и прозвали.

— Что с ним случилось?

Пожилый посмотрел в сторону площади.

— Золото.

Илья ждал продолжения, но его не было.

Лаптев тихо сказал:

— Потом.

— Все здесь говорят «потом», когда речь о прошлом?

— Потому что прошлое здесь не любит, когда его торопят.

Илья хотел ответить, но в этот момент со стороны площади донёсся резкий, надорванный крик:

— Не берите больше! Слышите?! Не берите!

Разговоры у магазина оборвались.

Кто-то раздражённо вздохнул.

— Началось.

— Опять Орёл.

— Сейчас каркать будет.

Илья повернулся.

У памятника геологам стоял старик.

Высокий, худой, в длинном белёсом плаще, который на ветру раздувался за спиной, будто крылья. На голове — старая меховая шапка, выцветшая почти до белого. Из-под неё выбивались седые волосы. В руке старик держал палку и водил ею по снегу, будто чертил знаки.

Он кричал на площадь, на магазин, на рабочих, на водителей, на администрацию, на весь посёлок:

— Земля терпела! Долго терпела! А теперь заберёт своё! Всё заберёт! До последней крупы!

Несколько подростков засмеялись.

Один из водителей крикнул:

— Дед, а мою ипотеку земля не заберёт?

Мужики у магазина заржали.

Старик резко повернул голову.

Даже с расстояния Илья почувствовал его взгляд.

Светлый.

Почти бесцветный.

Пронзительный.

— Смеётесь, — крикнул Белый Орёл. — Смейтесь, пока под ногами ровно! Пока вода течёт! Пока золото молчит!

— Да оно у нас только молчит, — бросил кто-то. — Говорить не умеет.

Старик поднял палку.

— Умеет. Только не вверх говорит. Вниз.

Люди снова засмеялись, но уже тише.

Илья сделал шаг вперёд.

Лаптев удержал его за локоть.

— Не надо.

— Почему?

— Сначала посмотри.

Белый Орёл стоял посреди снега, худой, странный, почти нелепый в своём белом плаще. Но в его голосе было столько отчаяния, что смеяться над ним Илья не мог.

Старик продолжал:

— Холодную не трогайте! Старый ход не трогайте! Ниже чёрной глины не лезьте! Он уже слушает!

— Кто слушает? — крикнул подросток.

Белый Орёл медленно повернулся к нему.

— Тот, кто считает не деньги.

— А что?

Старик ударил палкой по снегу.

— Раны.

На площади стало тише.

Снег падал между людьми и стариком, как занавес.

Илья смотрел на Белого Орла и вдруг понял: этот человек не просто пугает. Он предупреждает.

— Кто он? — спросил Илья.

Лаптев ответил не сразу.

— Человек, которого здесь слишком долго не слушали.

Белый Орёл снова поднял палку и указал ею куда-то за посёлок, в сторону тёмной тайги и верховьев Холодной.

— Земля скоро заберёт своё! — крикнул он. — И тогда никто не скажет, что не слышал!

Люди начали расходиться.

Кто-то смеялся.

Кто-то ругался.

Кто-то делал вид, что ему всё равно.

Но Илья заметил: почти каждый, уходя, всё-таки посмотрел себе под ноги.

Старик остался у памятника один.

Он склонился и снова начал чертить палкой знаки на снегу.

Круг.

Трещина.

Линии, похожие на корни.

Илья стоял у магазина и смотрел на него.

Так началось его возвращение домой.

Глава 2

Утро в Кедровске начиналось рано.

Солнце ещё не поднялось из-за сопок, а посёлок уже жил: хлопали двери подъездов, кашляли моторы, возле магазина «Таёжный» стояли первые покупатели, по дороге к карьере тянулись вахтовые автобусы. Из труб шёл густой дым, стелился над крышами и смешивался с низким серым небом.

Илья Крылов проснулся раньше будильника.

Несколько секунд он лежал в своей старой комнате и смотрел в потолок. Комната почти не изменилась: узкая кровать, письменный стол у окна, книжная полка, старый шкаф. Только теперь на спинке стула висела не школьная куртка, а форма.

За дверью тихо звякнула посуда.

Мать уже была на кухне.

Марина Андреевна Крылова работала фельдшером в местном медпункте. В детстве Илья думал, что она знает все болезни и всех людей в районе. Теперь он понимал: в Кедровске это почти одно и то же.

— Встал? — спросила она, когда он вошёл.

— Не спалось.

— Здесь первое время всем не спится. Потом привыкают.

Она поставила перед ним кружку кофе и тарелку с горячими бутербродами.

— Виктор Сергеевич звонил?

— Нет. А должен был?

— Нет. Просто ты так спрашиваешь, будто уже ждёшь плохих новостей.

Илья сел за стол.

— Вчера Белого Орла видел.

Рука матери, державшая нож, на мгновение остановилась.

— Значит, он сам тебя увидел.

— Это важно?

— Для него — да.

— Почему его так все боятся и одновременно смеются?

Марина Андреевна медленно положила нож на стол.

— Не боятся. Привыкли.

— Это не ответ.

— Здесь ко многому привыкают. К плохой воде. К разбитым дорогам. К людям, которые уезжают и не возвращаются. К тем, кто говорит правду так долго, что её уже никто не слышит.

Илья посмотрел на мать внимательнее.

— Он говорит правду?

Она не ответила сразу.

За окном проехал грузовик. Стёкла дрогнули.

— Степан Гаврилович когда-то был нормальным человеком, — сказала она наконец. — Работал на прииске. Семья была. Дом. Потом случилось несчастье.

— На старом прииске?

Мать подняла глаза.

— Уже слышал?

— Вчера у магазина говорили.

— У магазина много чего говорят.

— А ты?

— А я не хочу, чтобы ты начинал службу с чужих призраков.

— Если эти призраки ходят по площади и предупреждают людей, мне придётся хотя бы понять, кто они.

Марина Андреевна устало улыбнулась.

— Ты на отца похож.

Илья замолчал.

Об отце в этом доме говорили редко. Не потому, что запрещалось. Просто каждое упоминание делало воздух тяжелее.

— Он тоже интересовался Степаном? — спросил Илья.

— Он интересовался всем, что нельзя было закрыть простой бумажкой.

— И что с этим случилось?

Мать встала.

— Завтракай. Опоздаешь.

— Мам.

Она повернулась к нему.

— Степан Гаврилович не всегда был Белым Орлом. Это главное. Остальное пусть он сам рассказывает, если захочет.

— А если не захочет?

— Тогда не лезь.

Илья усмехнулся.

— Хороший совет для оперуполномоченного.

— Это хороший совет для сына.

* * *

К девяти утра площадь уже была оживлённой.

У администрации стояли две машины. Возле магазина курили рабочие. У остановки мерзли женщины с сумками. Двое подростков катали по снегу пластиковую бутылку, пиная её как мяч. Издалека доносился гул техники — карьер работал с рассвета.

Илья вышел из отдела вместе с Лаптевым.

Начальник отдела молчал, застёгивая куртку. Лицо у него было такое, будто день ему заранее не понравился.

— Что сегодня? — спросил Илья.

— Бумаги, жалобы, профилактика, выезд к гаражам, разговор с участковым по Верхней улице.

— Чернокопатели?

— Они тоже. Но сначала привыкни к району.

— Я здесь вырос.

Лаптев посмотрел на него.

— Ребёнком. Это другое место.

Илья хотел ответить, но с площади донёсся знакомый голос.

— Не берите! Слышите?! Не берите больше!

Белый Орёл снова стоял у памятника геологам.

Как будто не уходил с вечера.

На нём была та же белая выцветшая шапка, тот же длинный плащ, похожий на грязные крылья. Седые волосы выбивались из-под меха и ложились на плечи. В руке — палка, которой он чертил на снегу круги и ломаные линии.

Он был худым до костлявости, но в его движениях оставалась какая-то странная сила. Не сила молодого человека, а упрямство дерева, которое пережило слишком много зим.

Мимо проходили люди.

Большинство даже не останавливалось.

— Опять Орёл раскаркался, — бросил водитель автобуса.

— Дед, ты бы в администрацию устроился, — крикнул кто-то от магазина. — Там тоже все обещают конец света.

Рабочие засмеялись.

Белый Орёл поднял голову.

— Смейтесь! — крикнул он. — Смейтесь, пока земля под ногами ровная! Пока вода течёт! Пока золото в руках блестит!

Двое подростков у остановки начали передразнивать его, размахивая руками как крыльями.

— Кар-кар! Земля заберёт!

— Дед, а телефон мой земля заберёт? Он в кредит!

Смех прокатился по площади.

Илья сделал шаг вперёд, но Лаптев остановил его взглядом.

— Не спеши.

— Над ним же издеваются.

— Он к этому привык.

— Это не делает их правыми.

— В Кедровске мало кто прав.

Белый Орёл ударил палкой по снегу.

— Золото — кровь земли! А вы её ведрами, ковшами, бурами! Реку мутите, лес валите, сопки режете! Думаете, она мёртвая? Думаете, ей всё равно?

— Дед, да земля сама отдала! — крикнул рабочий в оранжевом жилете.

— Не отдала! — Белый Орёл резко повернулся к нему. — Вы вырвали!

Рабочие снова засмеялись.

Один из них, крепкий мужчина с короткой бородой в новом пуховике, вышел вперёд. По лицу было видно: не местный старожил, скорее подрядчик или вахтовик, которому ещё не объяснили, где шутки заканчиваются.

— Слышь, дед, — сказал он громко, чтобы все слышали. — А если земля отдала, как понять?

Белый Орёл смотрел на него молча.

Мужчина усмехнулся, сунул руку во внутренний карман и достал маленький свёрток. Развернул тряпицу.

На ладони лежал самородок.

Небольшой, размером с крупную фасолину, неровный, влажно поблёскивающий в сером утреннем свете.

Люди сразу притихли.

Даже те, кто смеялся, теперь смотрели на ладонь мужчины.

Золото всегда умело заставлять людей молчать.

— Вот, — сказал бородатый. — Это, по-твоему, кровь?

Белый Орёл не двинулся.

Лаптев тихо выругался.

— Что? — спросил Илья.

— Дурак он. Нельзя так со Степаном.

— Почему?

— Сейчас поймёшь.

Бородатый поднял самородок двумя пальцами.

— Видишь, дед? Земля сама дала. Мы только взяли.

Белый Орёл медленно подошёл ближе. Его палка оставляла в снегу глубокие точки.

— Нет, — сказал он тихо.
Странно, но площадь услышала.
— Она не дала. Она запомнила.
Бородатый хотел рассмеяться, но смех застрял у него в горле.
Самородок потемнел.
Сначала Илья решил, что это тень. Может, мужчина повернул руку, и золото попало под серый отблеск неба. Но нет. Жёлтый цвет уходил из металла прямо на глазах.
По поверхности самородка расползлись тонкие чёрные прожилки.
Они ветвились, соединялись, будто трещины на льду.
— Что за... — пробормотал бородатый.
Он попытался переложить самородок в другую руку, но не смог.
Металл будто прилип к коже.
— Горячий, — сказал он уже совсем другим голосом. — Он горячий!
Пар поднялся от его ладони белой струйкой.
Люди отступили.
Женщина у остановки ахнула. Подростки перестали смеяться. Один из водителей убрал сигарету с губ и забыл стряхнуть пепел.
Илья бросился вперёд.
— Не трогайте! Руку держите открытой!
Бородатый запаниковал.
— Сними его! Сними!
Его товарищ шагнул к нему и потянулся за ножом.
Лаптев рявкнул:
— Нож убрал!
Тот застыл.
Самородок темнел всё быстрее. Теперь он был уже почти чёрным, только внутри ещё оставалась жёлтая точка, будто огонёк под слоем угля.
Белый Орёл стоял напротив и смотрел не на мужчину, а на металл.
В его лице не было торжества.
Не было удивления.
Только усталое, страшное узнавание.
— Началось, — прошептал он.
Илья услышал.
— Что началось?
Старик не ответил.
Самородок в ладони бородатого треснул.
Тихо.
Почти нежно.
Потом рассыпался в чёрную пыль.
Пыль не упала сразу. Она несколько секунд лежала на коже, затем просочилась между пальцами, упала в снег и исчезла в нём, оставив маленькое тёмное пятно.
Бородатый отшатнулся.
На ладони остался след — не ожог, а тёмный отпечаток, будто кто-то прижал к коже кусок земли.
— Медпункт, — сказал Лаптев. — Панкратов!
Участковый уже бежал от отдела.
— Его к Марине Андреевне. И данные всех, кто рядом был.
— Понял.
— А ты, — Лаптев посмотрел на бородатого, — пока никуда не уезжаешь.

— Я ничего не сделал, — выдавил тот.

— Вот это и выясним.

— Это дед! Это он что-то сделал!

Белый Орёл повернул к нему голову.

— Я только говорил. Делает земля.

— Какая земля?! — мужчина почти сорвался на крик. — Это фокус какой-то!

Старик подошёл к тёмному пятну в снегу и опустился на корточки.

— Фокусы показывают наверху. Внизу считают.

Илья стоял рядом. Он хотел проверить снег, взять образец, рассмотреть пыль, найти хоть какое-то объяснение. Но что-то удержало его.

Может, взгляд Белого Орла.

Может, память о том, как золото чернело не снаружи, а будто изнутри.

— Степан Гаврилович, — сказал Илья. — Что это было?

Старик медленно поднялся.

Вблизи он выглядел ещё старше. Кожа на лице обветренная, сухая, глаза светлые, почти прозрачные. От него пахло дымом, морозом и сырой землёй.

— Ты Крыловский, — сказал он.

Илья напрягся.

— Илья Крылов.

— Знаю.

— Вы знали моего отца?

Белый Орёл чуть улыбнулся.

— Все его знали. Только не все помнят правильно.

Лаптев подошёл ближе.

— Степан, не начинай.

Старик не посмотрел на него.

— Он тоже думал, что всё можно закрыть актом, печатью и замком.

— О чём Вы? — спросил Илья.

— О том, что замки держат людей. Не землю.

Лаптев резко сказал:

— Хватит.

Белый Орёл наконец повернулся к нему.

— Тебе всё ещё кажется, что можно говорить «хватит», Виктор?

— Я сказал: хватит.

— А я двадцать лет говорю. Никто не слушал.

Он снова обратился к людям на площади.

— Видели? Первый знак пришёл! Сначала чернеет золото. Потом вода. Потом глаза у тех, кто смотрел вниз слишком долго!

Никто не смеялся.

Рабочие стояли молча. Водитель спрятал окурок в кулак. Женщина у остановки перекрестилась. Подростки медленно отступили к магазину.

Белый Орёл поднял палку и указал в сторону тайги.

— Холодную не трогайте! Старый ход не трогайте! Ниже чёрной глины не лезьте! Он уже слышит!

— Кто? — тихо спросил кто-то.

Старик медленно повернул голову.

— ГОЛДРИП.

Слово прозвучало чуждо.

Слишком тяжело для обычной страшилки. Слишком странно для площади перед администрацией, где пахло соляжкой, табаком и свежим хлебом из магазина.

Илья повторил про себя - Голдрип.

— Что это? — спросил он.

Белый Орёл посмотрел на него так, будто вопрос был неправильный.

— Не что. Кто.

— Существо?

— Хозяин.

— Хозяин чего?

Старик наклонился к нему ближе.

— Того, что вы называете недрами. Того, что старики называли нутром земли. Того, куда лезут руками, бурами и жадными глазами.

Илья заставил себя говорить спокойно.

— Вы утверждаете, что самородок почернел из-за какого-то хозяина недр?

— Я утверждаю, что золото вернулось.

— Оно рассыпалось.

— Для тебя. Для земли — вернулось.

— Это можно объяснить химически.

Белый Орёл вдруг усмехнулся.

— Объясняй. Только быстрее. Пока объясняешь, он просыпается.

Лаптев взял Илью за локоть.

— Пойдём.

— Подождите.

— Пойдём, сказал.

Но Белый Орёл поднял руку.

— Пусть спросит. Он ещё не забыл, как это делается.

Илья посмотрел на старика.

— Почему Вы не удивились?

Площадь снова стала тихой.

Старик долго молчал.

Потом сказал:

— Потому что я уже видел, как золото чернеет.

— Когда?

— Когда был моложе тебя. И глупее. Тогда тоже смеялись.

— Кто смеялся?

— Я.

Он произнёс это просто, но в его голосе было столько тяжести, что Илья больше не задал вопроса.

Белый Орёл подошёл к памятнику геологам и провёл ладонью по заснеженному постаменту.

— Вы думаете, золото блестит, потому что красивое? Нет. Оно блестит, чтобы человек его увидел. Подошёл. Наклонился. Протянул руку. И забыл, что стоит на земле, которая тоже смотрит.

— Это легенда, — сказал Илья.

— Всё, что человек не хочет помнить, он называет легендой.

— А Голдрип?

Старик повернулся к нему.

— Голдрип спит там, где жила становится сердцем. Пока люди берут мало, он молчит. Пока ранят землю неглубоко, она терпит. Но когда начинают рвать без меры, когда реки мутят, лес валят, сопки выворачивают, он открывает глаза.

— И что делает?

Белый Орёл посмотрел на тёмное пятно в снегу.

— Возвращает.

— Золото?

— Всё.

— Что значит всё?

Старик поднял глаза.

— Золото. Машины. Дома. Деньги. Людей, если они держатся за взятое крепче, чем за жизнь.

Женщина у остановки тихо всхлипнула и быстро пошла прочь.

Рабочие начали расходиться. Уже без насмешек, но с раздражением — как люди, которые услышали то, что не хотели слышать.

Один из них буркнул:

— Псих старый.

Другой ответил:

— Самородок-то видел?

— Мало ли что.

— Ага. Мало ли.

Лаптев кивнул Панкратову, и тот повёл пострадавшего к машине.

Илья остался рядом с Белым Орлом.

— Степан Гаврилович, откуда у этого человека самородок?

Старик не ответил.

— Это важно.

— Важно не откуда он взял.

— А что?

— Куда оно ушло.

— В землю?

— Ниже.

Илья почувствовал раздражение.

— Если Вы что-то знаете о незаконной добыче у Холодной, Вы должны сказать.

Белый Орёл посмотрел на него почти с жалостью.

— Должен?

— Да.

— Я двадцать лет должен. Кричу, рисую, предупреждаю. Вы проходите мимо, смеётесь, оформляете, забываете. А потом спрашиваете: почему не сказал?

Илья замолчал.

Старик поднял палку и начал чертить на снегу.

Круг.

Внутри второй круг.

Потом трещина, уходящая от центра.

Потом линии, похожие то ли на корни, то ли на жилы.

— Что это? — спросил Илья.

— Район.

— Карта?

— Нет. Рана.

Илья наклонился, пытаясь понять рисунок.

— А это?

Он указал на центр.

Белый Орёл резко накрыл ладонью.

— Не трогай.

— Это место?

— Это то, куда нельзя.

— У Холодной?

Старик поднялся.

— Ты будешь искать людей, Крыловский. А найдёшь дыру.

— Каких людей?

— Первых.

— Что значит первых?

Белый Орёл посмотрел в сторону тайги.

— Первых, кого он заберёт.

В этот момент с северной стороны площади подул ветер. Снег закружился, заматавая рисунок. Чёрное пятно от самородка почти исчезло, но на его месте осталась маленькая ямка, будто снег прожгло до земли.

Лаптев подошёл к Илье.

— Хватит на сегодня.

— Он знает больше.

— Конечно знает.

— И Вы спокойно уходите?

— Я спокойно увожу тебя, пока ты не начал задавать вопросы, на которые не готов услышать ответы.

Белый Орёл усмехнулся.

— Никто не готов. Потому и поздно.

Лаптев повернулся к нему.

— Степан, иди домой. Замёрзнешь.

— Я давно замёрз, Виктор.

— Тогда хотя бы людей не пугай.

Старик вдруг резко выпрямился.

— А ты видел, что бывает, когда они не пугаются?

Лаптев не ответил.

Илья заметил это молчание.

Начальник отдела не считал Белого Орла просто сумасшедшим. Не верил ему полностью, может быть. Но и не смеялся.

Это было важнее любых слов.

Белый Орёл повернулся и пошёл через площадь. Люди расступались перед ним уже иначе — не как перед привычным городским безумцем, а как перед человеком, который сказал правду, а доказательство осталось чёрной ямкой в снегу.

У края площади старик остановился и обернулся.

— Запомни, Крыловский, — сказал он.

Илья поднял взгляд.

Белый Орёл смотрел прямо на него.

— Золото не блестит, парень. Оно смотрит. Снизу. И ждёт, когда ты снова полезешь за ним.

После этих слов он развернулся и пошёл к окраине посёлка, туда, где начинались старые дома, пустыри и дорога к реке Холодной.

Его белый плащ медленно растворялся в снегопаде.

На площади ещё долго никто не говорил громко.
Илья смотрел на ямку в снегу и пытался собрать в голове разумное объяснение.
Химическая реакция?
Примеси?

Подделка?

Температура?

Фокус?

Совпадение?
Каждое объяснение звучало хуже предыдущего.
Где-то далеко, за посёлком, со стороны тайги, глухо ухнуло.
Не гром.
Не взрыв.
Не падение дерева.
Скорее тяжёлый подземный удар.
Люди на площади снова замерли.
Лаптев медленно поднял голову.
— Карьер? — спросил Илья.
Начальник отдела ответил не сразу.
— Может и карьер.
Но сказал это так, будто сам себе не поверил.